

М. Коцюбинська зазначала: «Листи українських класиків зламу століття – Франка, Лесі Українки, Кобилянської, Коцюбинського, Стефаника та їхніх численних кореспондентів – навколо цих концентрів утворилися репрезентативні й змістовні епістолярні масиви, без яких годі збагнути український історико-літературний процес, інтелектуальні й мистецькі обрії української культури» [2, 26].

Листи Лесі Українки – цінне джерело для вивчення її біографії, творчості, для висвітлення участі письменниці в суспільно-політичному житті, для з'ясування проблеми становлення норм українського слововживання. Її епістолярій тісно пов'язаний із прозою, літературною критикою та публіцистикою.

З огляду на вказане вище епістолярій Лесі Українки дозволяє простежити процес засвоєння розмовно-побутовим мовленням багатьох нових слів і висловів, що увійшли до усного мовлення. Листи «оживляли» Лесю, тому іноді вона за день писала до десяти листів. Кожен лист доносить до нас думки, почуття, настрої, які велика поетеса переживала в конкретний момент. Усі вони глибокі та щирі.

Лексика епістолярної спадщини Лесі Українки переконливо свідчить про глибоке знання писемно-літературної, розмовної і фольклорної стихій, високу мовну культуру автора. У її листах поєднуються розмовні вислови з книжними і науково-термінологічними. Із мовної практики авторки випливає, що вона «дотримувалася усталених на той час літературних традицій, наслідувала не лише Т. Шевченка, але й користувалася виробленим у Галичині культурним лексичним мінімумом [3, 266].

Список використаної літератури

1. Жанри і стилі в історії української літературної мови / В. В. Німчук, В. М. Русанівський, І. П. Чепіга та ін.; відп. ред. В. В. Німчук. – К. : Наук. думка, 1989. – 450 с.
2. Коцюбинська М. Роздуми про епістолярну творчість / М. Коцюбинська. – К. : Дух і Література. Харк. правозахисна група, 2001. – С. 42–44.
3. Русанівський В. М. Історія української літературної мови: підручник / В. М. Русанівський. – К. : АртЕк, 2001. – 392 с.
4. Святовець В. Ф. Епістолярна спадщина Лесі Українки: листи в контексті художньої творчості / В. Ф. Святовець. – К. : Вища шк., 1981. – 183 с.
5. Тимошенко П. Д. Мовностилістичні (лексичні) засоби Лесі Українки / П. Д. Тимошенко // Українська мова в школі. – 1974. – № 4. – С. 63–86.
6. Українка Леся. Листи (1876 – 1897; 1898 – 1902; 1903 – 1913) / Леся Українка // Зібрання Творів: у 12 т.. – К. : Наук. думка, 1978. – Т. 10. – 542 с.; Т. 11. – 480 с.; Т. 12. – 694 с.

Светлана Степанова

ЯЗЫКОВЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, ОСНОВАННЫЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯКМ НАЧИНАЮЩЕГО ВРАЧА

Постановка проблеми. Формирование новой антропоцентрической научной парадигмы акцентирует внимание лингвистов на человеке и его месте в обществе. При

антропоцентрическом подходе в лингвистическом исследовании речь идёт о человеке как об активном интерпретаторе, не просто носителе языка, а прежде всего – носителе определённой концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познаёт мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка [7]. Например, в русском языке для художественного описания явлений природы наиболее распространена антропоморфная метафора: *снежинки пляшут, серёжки берёз, ложится тень, метель укутала людей, метель разыгралась* и т. д.

В процессе коммуникации собственный порядок вещей человека обнаруживается в его языковой картине мира. Окружающая человека реальность, его жизненный опыт лежит в основе его картины мира [5]. Важнейшей составной частью и причиной многих особенностей ЯКМ индивидуума является его профессиональное занятие. Обычно профессиональная картина мира человека начинает складываться в период обучения той или иной профессии. Исключения могут представлять случаи выбора юношей или девушек профессиональных занятий, с картинами мира которых они уже знакомы на уровне эхо-картины мира благодаря профессиональному окружению в семье, по месту жительства, а также благодаря детскому увлечению.

Формирование профессиональной картины мира происходит постепенно. В языкознании этот вопрос исследован поверхностно. Между тем, в русской литературе имеются произведения, исследование текстов которых может помочь в решении вопросов диахронии формирования профессиональной картины мира человека, синхронии её функционирования на каждом этапе профессионального роста, вопросов взаимодействия наивной и профессиональной картин мира, проявления этого взаимодействия в индивидуальной ЯКМ, а также вопросов художественного использования профессиональной картины мира.

В профессиональное лексико-семантическое поле ЯКМ молодого врача из рассказа «Полотенце с петухом» мы включаем слова и устойчивые словосочетания, употребление которых в ситуациях его трудовой деятельности сопряжено с профессиональной терминологией и профессиональным просторечием. Проникновение речевых единиц профессиональной сферы коммуникации в иные сферы коммуникации персонажа указывает на конкретную медицинскую сферу его деятельности. Изучение путей и способов переноса речевых навыков в профессиональной сфере языковой личности на её обыденную речь позволяет установить закономерности и тенденции влияния профессиональной деятельности человека на формирование его языковой картины мира, определить особенности его характера и мировосприятия, принципы и взгляды, сформировавшиеся под их влиянием.

Материал исследования. Одним из таких произведений является цикл рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача». В рассказах этого цикла автор много внимания уделяет описанию развития профессиональной картины мира главного героя произведения – начинающего доктора, которого после университета отправили работать в сельскую больницу. Многие из этих рассказов автобиографичны и отражают точку зрения самого Булгакова на проблему становления профессиональной картины мира человека. В статье мы опишем некоторые результаты анализа первого рассказа этого цикла: «Полотенце с петухом».

Цель и задачи исследования – рассмотреть пути функционирования и развития ЯКМ сквозь призму профессии говорящего, выявить и проанализировать языковые средства профессиональной картины мира врача в русской художественной речи.

Изложение основного материала. Рассказчик, он же начинающий доктор, приехал жить и работать в сельскую больницу, находившуюся в сорока верстах от уездного города, после окончания медицинского факультета университета. Большинство людей, с которыми профессионально был связан центральный персонаж рассказа, оказывались старше его. Автор описывает своё поведение в 23 года. Так, он указывает:

(1) *Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах. Каждому приходилось представляться:*

– *Доктор такой-то.*

И каждый обязательно поднимал брови и спрашивал:

– *Неужели? А я-то думал, что вы ещё студент.*

Чтобы казаться старше, доктор выработал негласный кодекс поведения в профессиональной среде и, в целом, в обществе. М. А. Булгаков пишет:

(2) *Не имея возможности защищаться от всегдаших снисходительных и ласковых улыбок при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку. Говорить пытался размеренно и веско, порывистые движения по возможности сдерживать, не бегать, как бегают люди в двадцать три года, окончившие университет, а ходить. Выходило всё это, как теперь, по прошествии многих лет, понимаю, очень плохо.*

(3) Одна из акушерок, Анна Николаевна, женщина в короне поседевших волос, к чему-то сказала:

– *Вы, доктор, так молодежавы, так молодежавы... Прямо удивительно. Вы на студента похожи.*

"Фу ты, чёрт, – подумал я, – как сговорились, честное слово!"

Кроме того, молодой доктор, приехав на новое место работы, всё отчётливее осознавал, что неопытен, что, возможно, его толкнули на авантюру, отправив работать единственным, а не вторым, как он просил, врачом туда, где придётся всё уметь делать самому, не надеясь на совет более опытных коллег. Поэтому он нервничал. Каждый инструмент, ни названия, ни предназначения которого доктор не знал; каждое лекарство, о котором он в университете ничего не слышал, пугало его. Профессиональная картина мира центрального персонажа была бедна. И он осознавал это. Например:

(4) *Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший. При этом с тою же ясностью я вынужден был признать (про себя, конечно), что очень многих блестящих девственно инструментов назначение мне вовсе неизвестно. Я их не только не держал в руках, но даже, откровенно признаюсь, и не видел. А мы добавим: если врач не знал об этих инструментах и их функциях, не держал и не видел их, значит, он и не знал их названий. Вполне вероятно, что какие-то названия он мог слышать, но идентифицировать эти инструменты с их названиями он не мог. А при упоминании Демьяном Лукичом того факта, что прежний доктор с утра до вечера оперировал, (5) «...я облился прохладным потом и тоскливо поглядел на зеркальные сияющие шкафики».*

Доктор начал вспоминать чиновников, которые уговорили его ехать сюда и постепенно приходил в ужас о том, что у него нет опыта. Даже профессиональная языковая картина мира такого врача была несовершенна. Он понял, что не знает способов лечения наиболее распространённых заболеваний и чуть не впал в истерику от мысли, что не справится с операцией по удалению *ущемлённой грыжи*. Именно поэтому слово *грыжа* встречается в

рассказе 11 раз, а **ампутация** – всего 4 раза, хотя именно эту операцию впервые в жизни пришлось делать доктору, и именно эта операция описана в рассказе. Например:

(6) *"Я ни в чём не виноват, – думал я упорно и мучительно, – у меня есть дом, я имею пятнадцать пятёрочек. Я же предупреждал ещё в том большом городе, что хочу идти вторым врачом. Нет. Они улыбались и говорили: "освоитесь". Вот тебе и освоитесь. <...> И в особенности, каково будет себя чувствовать больной с грыжей у меня под руками? Освоится он на том свете (тут у меня холод по позвоночнику)..."*

А гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? Когда трахеотомия показана? Да и без трахеотомии будет мне не очень хорошо... А... а... роды! Роды-то забыл! Неправильные положения. Что ж я буду делать? А? Какой я легкомысленный человек! Нужно было отказаться от этого участка. Нужно было. Достали бы себе какого-нибудь Леопольда".

Несформированность профессиональной языковой картины мира молодого доктора способствовала тому, что он убедил себя в своей никчемности, беспомощности. Однако, это был для него хороший урок саморазвития. Ситуация, в которой он оказался, способствовала началу завершающего этапа формирования профессиональной картины мира, профессиональному взрослению центрального персонажа, а вместе с этим и профессиональной языковой картины мира героя. Автор пишет о том, что постепенно стал успокаиваться, брать себя в руки:

(7) *Часа два в одиночестве я мучил себя и домучил до тех пор, что уж больше мои нервы не выдерживали созданных мною страхов. Тут я начал успокаиваться и даже создавать некоторые планы.*

(8) *"Что за неврастения? Взялся за гуж, не говори, что не дюж".*

"Назвался груздём, полезай в кузов", – ехидно отозвался голос.

У молодого врача в окружении прекрасных и полезных книг по медицине и фармакологии возникло желание совершенствовать свои профессиональные знания, и он начал по очереди листать их, восстанавливать то, что изучал, а также открывать для себя много нового. Профессиональная картина мира молодого человека развивалась, знаний становилось больше, а, следовательно, сквозь призму профессиональных знаний совершенствовалась его языковая картина мира.

Утром первая в жизни операция на почти обескровевшей девушке, которой пришлось ампутировать смятую левую ногу и гипсовать переломанную правую, всё расставила по местам. Необходимость сконцентрировать все уже имеющиеся профессиональные знания ради спасения человека так описана Булгаковым: (9) *Всё светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я сообразил – уверенность, что сообразил, была железной...* Операция завершилась успешно. Указывая на то, что один такой эпизод может заставить человека повзрослеть, Булгаков пишет: (10) *Нет, я не похож на Дмитрия Самозванца, и я, видите ли, постарел как-то... Складка над переносицей...* По-другому стал относиться к молодому доктору и персонал больницы: (11) – *Вы, доктор, вероятно, много делали ампутаций?* – *вдруг спросила Анна Николаевна. – Очень, очень хорошо... Не хуже Леопольда...* (12) *Я исподлобья взглянул на лица. И у всех – и у Демьяна Лукича и у Пелагеи Ивановны – заметил в глазах уважение и удивление.*

Таким образом, в рассказе «Полотенце с петухом» М. А. Булгаков с помощью описания событий, связанных с приездом молодого врача на работу в сельскую больницу и его первого профессионального опыта оперирования, показывает ситуативную

обусловленность диалектики двух путей формирования, становления, совершенствования профессиональной картины мира молодого врача. Первый путь – самообучение с помощью учебной и справочной литературы. Второй путь – практика врачебной деятельности, в ходе которой закрепляются полученные теоретические знания, и приобретает практический навык, отчасти требующий дальнейшего теоретического осознания.

Средства художественной выразительности рассказа «Полотенце с петухом», основанные на материале языковой картины мира врача и людей, участвующих в медицинской коммуникации, можно объединить в группы, среди которых наиболее значительными являются художественные **сравнения, метафоры, метонимии, антонимы и фразеологизмы**. Чаще всего эти художественные средства использованы непосредственным участником медицинской коммуникации – самим автором рассказа, однако органично вплетены также в обыденную речь других прямых участников такой коммуникации.

В стилистике и поэтике **сравнением** (лат. comparatio) называют образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые важные свойства. «Сравнение включает в себя сравниваемый предмет (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство сравнения), и их общий признак (основание сравнения) [6, 418]. В русском языке основными конструкциями, которые служат для выражения сравнительных отношений, являются сравнительный оборот и сложноподчинённое предложение с придаточным предложением обстоятельства сравнения. **Сравнительный оборот** – это одно из полупредикативных средств осложнения простого предложения, выражающее подобие предметов, признаков, обстоятельств и др. и не имеющее определённого состава и формы. Сравнительный оборот может быть представлен словосочетанием или словоформой. Главным в оформлении сравнительного оборота считается употребление специального служебного средства – сравнительного союза (*как, будто, как будто, точно, словно* и др.) [3, 361].

В рассказе «Полотенце с петухом» медицинский дискурс служит основанием для нескольких сравнений. На усвоение основ профессиональной картины мира в студенческие годы автор указывает в таком предложении: (13) ***В голове моей вдруг стало светло, как под стеклянным потолком нашего далёкого анатомического театра.*** В основе следующего сравнения – схожие ситуации картины мира хирурга и резника (мясника): (14) ***Я кругообразно и ловко, как опытный мясник, остройшим ножом полоснул бедро, и кожа разошлась...*** (15) ***...На столе оказалась девушка, как будто укороченная на треть, с оттянутой в сторону культией.***

Труднейшая операция, которую достойно проводил начинающий врач, но за которую вряд ли взялся бы опытный хирург, оставив умирать искалеченного человека, заставила удивляться и сопереживать других участников медицинской коммуникации, на что указывает такое сравнение: (16) – ***Жива... – как беззвучное эхо, отозвались сразу и фельдшер, и Анна Николаевна.***

Метафора (греч. metaphora – перенос) – перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства. С точки зрения говорящего, такое сходство может быть объективным и субъективным. При помощи метафоры можно устанавливать сходство между явлениями материального мира и явлениями, недоступными непосредственному наблюдению: эмоциями, мыслями, видами человеческой деятельности, явлениями общественной жизни, научными понятиями. На основе метафоры могут

возникать новые значения уже существующих слов. При этом коннотативно нейтральное слово в одном из значений становится оценочным [3, 21–23].

Рассказ М. А. Булгакова «Полотенце с петухом» содержит разнообразные метафоры. Рассмотрим лишь те из них, которые отражают языковую картину мира центрального персонажа как врача. Постараемся сгруппировать их.

По форме: *чахлый перелесок* (= рощица с редкими, больными деревцами); *крылья носа* (= боковые части носа, отходящие от переносицы, похожи на крылья птицы, отходящие от туловища); *мелкозубая пила* (= металлическая пила с мелкими зубьями). **По сходству издаваемых звуков:** *болезненно выкрикнуть* (= выкрикнуть голосом нездорового человека). **По сходству природных явлений и мыслительной деятельности человека:** *светлеть в мозгу* (= мысли становятся понятными, ясными, чёткими). **По сходству состояния предметов материального мира и физиологическим состоянием человека:** *девственно блестящие инструменты* (= инструменты, которые ни разу не использовались для операций и поэтому не стерилизовались, поэтому блестят первоначальным покрытием); *угасший человек* (= человек, который не может двигаться); *угасший глаз* (= безжизненный глаз).

Метонимия – механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию. Метонимия возникает путём стяжения конструкции [1, 300].

В рассказе «Полотенце с петухом» автор привёл несколько примеров наиболее яркой для профессиональной речи медиков метонимии, основанной на смежности наименования заболевания, травмы, больного органа, болезненного состояния человека и самого человека, страдающего этим заболеванием, получившего данную травму, имеющего больной орган либо испытывающего то или иное болезненное состояние. Переживая о своей профессиональной неопытности, молодой врач рассуждает: (17) *А если грыжу привезут? Объясните, как я с ней освоюсь?* Использован метонимический перенос слова *грыжа*. Имеются ещё два случая метонимического переноса слова *грыжа*, что подчёркивает страх, возникающий у молодого врача при мысли об операции *грыжи*. Например: (18) *Тут тебе грыжу и привезут, – бухнул суровый голос в мозгу, – потому что по бездорожью человек с насморком (нетрудная болезнь) не поедет, а грыжу притащат, будь покоен, дорогой коллега доктор.*

Одним из средств художественной выразительности в медицинской коммуникации в рассказе «Полотенце с петухом» является использование фразеологизмов. **Фразеологизмы** – устойчивые сочетания слов, постоянные по своему значению, составу и структуре, воспроизводимые в речи в качестве готовых и целостных лексических единиц [3, 54–55].

В анализируемом рассказе фразеологизмы часто используются автором как выразительные художественные средства, однако, в большинстве случаев это общеупотребительные единицы, которые служат выражению экспрессии в речи персонажей: *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* – «если взялся за дело, пообещал что-то, обязательно найди силы сделать, выполнить обещание». *Назвался груздём, полезай в кузов* – значение пословицы аналогично предыдущему значению. *Нет только птичьего молока* – всё иметь в наличии. *Бухнуть лбом* – отбивать земные поклоны. Однако целый ряд фразеологизмов в медицинской коммуникации можно признать средствами художественной выразительности на основе медицинского дискурса. Это, как правило, устойчивые словосочетания: 1) *выписать рецепт*; 2) *вправить грыжу*; 3) *холод по позвоночнику*; 4) *умереть под ножом* –

о наступлении смерти на операционном столе; 5) *дотянуть до палаты* – завезти из операционной ещё живого человека; 6) *погибнуть под руками* – быть убитым (о живом) или уничтоженным (о неживом) с участием рук; 7) *заломить руки*; 8) *выйти из оцепенения* – прийти в себя; 8) *готовить ампутацию* – готовиться к операции по ампутации конечности; 9) *здоровый смысл*; 10) *застилать глаза* – попадать на глаза, мешая зрению; 11) *устроить протез* – помочь изготовить протез.

Выводы. В результате исследования профессиональной языковой картины мира молодого врача, центрального персонажа рассказа М. А. Булгакова «Полотенце с петухом», нам удалось установить некоторые особенности функционирования единиц ЛСП медицины в речи центрального и других персонажей рассказа. Мы выделили 187 слов и синтаксически связанных словосочетаний разных лексико-семантических групп ЛСП медицины. Всего нами зафиксировано 347 употреблений этих единиц: ‘наименования частей тела и органических субстанций’ – 45 ед. (115 уп.); ‘наименования действий и процессов, связанных с медицинским вмешательством’ – 26 ед. (31 уп.); ‘наименования болезней и болезненных состояний’ – 24 ед. (36 уп.); ‘наименования медицинского инструментария, материалов и приспособлений’ – 19 ед. (30 уп.); ‘наименования действий и процессов, связанных с болезненным состоянием человека’ – 18 ед. (25 уп.); ‘наименования результатов болезни или медицинского вмешательства’ – 15 ед. (17 уп.); ‘наименования лекарственных средств’ – 14 ед. (26 уп.); ‘наименования медицинских профессий’ – 6 ед. (32 уп.); ‘наименования лечебных учреждений и помещений’ – 6 ед. (17 уп.); ‘наименования справочных пособий и медицинских документов’ – 6 ед. (6 уп.); ‘наименования сегментов лечебного процесса’ – 4 ед. (8 уп.); ‘наименования лечебных направлений’ – 3 ед. (3 уп.). Кроме того, была определена специфика формирования и совершенствования, развития профессиональной языковой картины мира молодого врача, проанализированы средства художественной выразительности, основанные на материале профессиональной картины мира медика.

М. А. Булгаков с помощью описания событий, связанных с приездом молодого врача на работу в сельскую больницу и его первого профессионального опыта оперирования, показывает ситуативную обусловленность диалектики двух путей формирования, становления, совершенствования профессиональной картины мира молодого врача. Первый путь – самообучение с помощью учебной и справочной литературы. Второй путь – практика врачебной деятельности, в ходе которой закрепляются полученные теоретические знания и приобретает практический навык, отчасти требующий дальнейшего теоретического осознания. Сквозь призму профессиональных знаний совершенствуется языковая картина мира центрального персонажа рассказа.

Переплетение профессиональной и художественной картин мира персонажей и автора отражается в рассказе с помощью ряда средств художественной выразительности, основанных на материале профессиональной языковой картины мира врача: **сравнительных конструкций, метафор, метонимий и фразеологизмов.**

Список использованной литературы и источников

1. Арутюнова Н. Д. Метонимия / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 300–301.
2. Булгаков М. А. Записки юного врача / М. А. Булгаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bulgakov.ru/library/zapiski_yunogo_vracha/

3. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. – М.: Высш. шк., 1991. – 384 с.
4. Коккіна Л. Р. Еволюція мовної картини світу бальзаківського віку у французькій літературі / Л. Р. Коккіна // Мова. – Одеса : Астропринт, 2013. – № 19. – С. 73–77.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., доп. / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 352 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / [общ. ред. В. М. Кожевников, П. А. Николаев]. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
7. Степанов Е. Н. Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи / Е. Н. Степанов // Мова: науково-теор. часопис з мовознавства. – Одеса: Астропринт, 2014. – № 21. – С. 27–35.

Тетяна Фурман

ФОРМУЛИ ЗВЕРТАННЯ У ПОЛЬСКИХ КАЗКАХ ТА ЛЕГЕНДАХ

У сучасній лінгвістиці багато уваги приділяється когнітивній лінгвістиці та лінгвокультурології, що орієнтуються на культурний фактор в мові і на мовленнєвий фактор в людині [4, 18]. Дослідження польської лінгвокультури дає змогу сформулювати загальну думку про особливості поведінки, життя в польському середовищі. Найбільш ґрунтовні спроби її вирішення знаходимо в працях В. Гумбольдта, основні положення їх зводяться до того, що: 1) матеріальна і духовна культура втілюються в мові; 2) будь-яка культура національна, її національний характер виражено у мові за допомогою особливого бачення світу; мові притаманна специфічна для кожного народу внутрішня форма (ВФ); 3) внутрішня форма мови – це відбиття «народного духу», його культури; 4) мова є перехідною ланкою між людиною і навколишнім світом. Ці думки почали розвивати О. О. Потебня [8], С. Г. Воркачов [2], В. В. Красних [6], В. А. Маслова [7], Е. Сепір [9], В. М. Теля [10], Н. І. Формановська [12], зокрема, українські – В. В. Жайворонок [3], В. І. Кононенко [5], О. А. Войцева [1] та польські вчені – Є. Бартмінський [12], В. Хлебда [13], А. Скуджик [16], М. Марцьянник [14], Е. Томічек [17], К. Ожуг [15].

Саме витоки мовленнєвого етикету польської мови, що просліджуються в мовних стійких висловах, дають можливість зрозуміти певні особливості світобачення поляків, їхню поведінку в конкретних ситуаціях, ставлення один до одного та побачити відмінність чи схожість з сучасними усталеними етикетними формулами. Національно-культурна специфіка мовленнєвої поведінки сприяє створенню різноманітних етикетних формул, що досліджувалися найменше, хоча їхня роль в реченні набагато ширша, ніж просто назвати співбесідника.

Мова – це феномен, який лежить на поверхні буття людини в культурі, викликає неабияку зацікавленість взаємодією мови та культури. Ситуація мовлення є досить суттєвим чинником, що визначає тональність бесіди та впливає на вибір конкретних засобів вираження ввічливості. Етикетні формули вміщують в себе не лише лексичне наповнення, а є синтаксично організованими.

Польські етикетні формули звертання вилучені нами для аналізу методом суцільної вибірки з таких джерел як: польські казки та легенди, зафіксовані у збірках «Legendy Polskie» / «Польські легенди» (LP, 2014), «Skarbnica polskich bajek, baśni i legend» / «Скарбниця